

Информация для цитирования:

Арсланов Р. А. Жандармская железнодорожная полиция Российской империи в начале XX века : работа с политической агентурой / Р. А. Арсланов, П. А. Колпаков // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 218—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-218-235.

Arslanov, R. A., Kolpakov, P. A. (2023). Gendarmerie Railway Police of Russian Empire in Early 20th Century: Working with Political Agents. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 218-235. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-218-235. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-218-235

**Жандармская
железнодорожная полиция
Российской империи
в начале XX века:
работа с политической
агентурой**

Арсланов Рафаэль Амирович
orcid.org/0000-0003-3488-7917
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
ars_raf@mail.ru

Колпаков Петр Александрович *
orcid.org/0000-0002-1600-9937
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории России,
* *корреспондирующий автор*
1kolpakov1@ramble.ru

Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

**Gendarmerie Railway Police
of Russian Empire
in Early 20th Century:
Working with Political Agents**

Rafael A. Arslanov
orcid.org/0000-0003-3488-7917
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
ars_raf@mail.ru

Petr A. Kolpakov *
orcid.org/0000-0002-1600-9937
PhD in History,
senior lecturer,
Department of Russian History,
* *Corresponding author*
1kolpakov1@ramble.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

© Арсланов Р. А., Колпаков П. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование исторического опыта взаимодействия жандармской железнодорожной полиции Российской империи с негласными осведомителями в политических организациях. Рассматриваются вопросы становления агентурной работы на железных дорогах, контроля ее эффективности, проверки благонадежности секретных сотрудников и выявления среди них провокаторов и шантажистов. Материалы для анализа извлечены из ранее не опубликованной секретной и совершенно секретной делопроизводственной документации жандармских полицейских управлений железных дорог. Приводится авторское определение агентурной работы. Подчеркивается, что при вербовке негласных осведомителей приоритет отдавался лицам, имевшим материальную заинтересованность в сотрудничестве с полицией. Показано, что ценность добывавшихся секретными сотрудниками сведений являлась главным критерием эффективности расходования денежных средств, ассигнованных на агентурную работу. Авторы останавливаются на том, что выстраивание железнодорожными жандармами отношений с конфидентами требовало осторожности вследствие возможности совершения последними попытки ликвидации куратора или предоставления ему дезинформации. Сделан вывод о том, что вменение в обязанность железнодорожной жандармерии вербовки политической агентуры и получения через нее сведений обосновывалось сдерживанием революционного движения, однако инертность при приобретении осведомителей и масштаб кризисных явлений в империи не позволили достичь поставленной цели.

Ключевые слова:

жандармская железнодорожная полиция; политическая агентура; агентурная работа; осведомитель; провокатор; революционное движение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the historical experience of interaction between the gendarmerie railway police of the Russian Empire and covert informants in political organizations. It explores the establishment of intelligence work on railways, the monitoring of its effectiveness, the verification of the reliability of secret agents, and the identification of provocateurs and blackmailers among them. The materials for analysis are extracted from previously unpublished secret and top-secret case files of the gendarmerie police departments of the railways. The authors provide their own definition of intelligence work. It is emphasized that priority was given to recruiting informants who had a financial interest in collaborating with the police. The study demonstrates that the value of information obtained by secret agents was the main criterion for evaluating the effectiveness of financial resources allocated to intelligence work. The authors highlight the need for caution in establishing relationships between railway gendarmes and informants due to the possibility of assassination attempts against handlers or the provision of misinformation. The study concludes that assigning the duty of recruiting political agents and obtaining information through them was justified by the need to suppress revolutionary movements, but inertia in acquiring informants and the scale of crises in the empire prevented the achievement of the set goal.

Key words:

Gendarmerie Railway Police; political agents; undercover work; informant; provocateur; revolutionary movement.

Жандармская железнодорожная полиция Российской империи в начале XX века : работа с политической агентурой

© Арсланов Р. А., Колпаков П. А., 2023

1. Введение = Introduction

Созданная в конце XVIII века в гатчинских войсках Павла I российская жандармерия выполняла в годы его правления функции военной полиции, надзирая за порядком в армии; при Александре I — была представлена элитными частями, выполнявшими задачи полицейских войск Внутренней стражи. После восстания на Сенатской площади в период с 1826 по 1827 годы был сформирован Корпус жандармов, ставший исполнительным органом «высшей полиции», призванной бороться с преступлениями против государства.

Для обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте, стратегически обретавшем в XIX столетии стратегическое значение, стала использоваться жандармская полиция. В 1844 году «для надзора за порядком на Николаевской железной дороге» было учреждено первое жандармское полицейское управление и при нем временный жандармский эскадрон [Высочайше утвержденный ..., 1856].

31 декабря 1866 года на жандармские полицейские управления железных дорог помимо «обязанностей наружной полиции», то есть надзора за порядком, были возложены «обязанности наблюдательные». Железнодорожные жандармы были выведены из ведомства Министерства путей сообщения и включены в структуру Корпуса жандармов [Именной, объявленный ..., 1866]. Отныне государство требовало от железнодорожных жандармов не только пресекать явные угрозы, но и искать пути выявления преступных замыслов. Однако значение «чугунки» для политической стабильности еще не было в должной мере оценено: только в начале XX века в обязанность железнодорожных жандармов будет вменено создание в среде политического подполья, а также в криминальных кругах групп осведомителей.

За указанным направлением деятельности специальных служб прошлого и настоящего закрепилось наименование «*агентурная работа*». С учетом наиболее важных аспектов агентурной работы ее допустимо

интерпретировать как негласный сбор информации при посредстве лиц, находящихся в представляющей интерес среде, а также подбор, вербовку (привлечение) и внедрение таких лиц.

Следует учесть, что ведение агентурной работы чинами жандармской железнодорожной полиции зачастую оказывается на периферии фокуса исследовательского внимания, находясь в тени служебной деятельности охранных отделений, специализировавшихся на политическом сыске.

Агентурная работа осуществлялась железнодорожными жандармами по двум основным направлениям: политическому и общеуголовному. Первое связано с получением сведений о деятельности находившихся вне закона политических организаций; второе — с выявлением намерений совершить преступления против собственности, общественного порядка, жизни и здоровья в пределах железных дорог. Кроме того, в годы Первой мировой войны жандармы получали информацию, представлявшую интерес для контрразведки. В данной статье будет рассмотрена организация работы с политической агентурой.

Научная проблема заключается в противоречии между сложившейся системой взглядов на роль жандармской железнодорожной полиции в деле использования негласных осведомителей и потребностью в ее переоценке на основе анализа впервые вводимого в научный оборот корпуса архивных материалов. Представленный ракурс исследования позволит выйти на новый уровень интерпретации значения жандармерии в отношении борьбы с революционной угрозой в Российской империи.

Актуальность теме придает необходимость осмысления методов и степени эффективности работы спецслужб по сохранению стабильности в обществе, находящемся в состоянии внутреннего и (или) внешнего конфликта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является реконструкция исторического опыта организации работы железнодорожной жандармерии с политической агентурой в России начала XX века.

Тема агентурной работы жандармов в эпоху Российской империи на сегодняшний день имеет обширную историографию. Первыми ее «разработчиками» стали сотрудники «высшей полиции» царской России, которые по долгу службы занимались вербовкой и взаимодействием с негласными осведомителями.

Особую ценность представляют работы П. П. Заварзина, посвятившего службе в Корпусе жандармов почти 20 лет своей жизни. В своих трудах «Работа тайной полиции» и «Жандармы и революционеры», опираясь на

собственный опыт, жандарм раскрывает мотивы лиц, вставших на путь осведомительства; ошибки их кураторов; меры обеспечения секретности конспиративных квартир и многие другие практические вопросы [Заварзин, 1924; Заварзин, 1930].

Не менее информативными с точки зрения отражения агентурной работы и проведения дознаний по политическим делам являются воспоминания товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова [Курлов, 1923], практиков от полицейской работы А. П. Мартынова и А. И. Спиридовича [Мартынов, 1972; Спиридович, 2023].

Советская историография, пропуская через призму идеологии работу царских правоохранительных органов и специальных служб, наделяла жандармерию преимущественно негативными характеристиками. Служба жандарма противопоставлялась человеческой порядочности. П. Павлов в изданной в 1922 году работе «Агенты, жандармы, палачи» отзывался о жандармской инструкции по приобретению и ведению агентуры следующим образом: «Инструкция свидетельствует о растлении ее авторов, о величайшей их безнравственности и о пределах того нравственного разращения, которое несли они в население». Целью работы жандармов с секретными осведомителями П. Павлов видел не в приобретении сведений, а в провокации к инициированию совершения противозаконных действий лицами, в задержании которых «высшая полиция имела интерес» [Павлов, 1922, с. 5]. В значительной мере оценивал как тождественные явления провокаторство и противодействие революции Б. К. Эрнфельд в работе «Тяжелый фронт» [Эрнфельд, 1983].

Опыт общей и политической полиции Российской империи на современном этапе развития исторической науки привлекает значительное исследовательское внимание.

Огромная работа, направленная на изучение политического сыска в Российской империи, была осуществлена З. И. Перегудовой. Ее труд «Политический сыск России (1880–1917 гг.)» содержит результаты исследования учреждений, боровшихся с возмутителями государственной стабильности в Российской империи, как единой системы [Перегудова, 2000].

В работе О. Ю. Абакумова раскрывается характер сведений, которые негласные осведомители передавали жандармским чинам. Информация касалась вопросов поведения учащейся молодежи, настроений в расквартированных в столицах частях, а также злоупотреблений чиновников [Абакумов, 2017].

Именно в постсоветской исторической науке служба железнодорожных жандармов становится самостоятельным предметом исследований. Среди значимых работ необходимо выделить монографию Ю. В. Рыжовой «Жан-

дармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи» [Рыжова, 2020]. Опубликовано ряд статей, посвященных различным аспектам и историческим вехам службы жандармов на «чугунке»: организации и функциям [Фирсов, 2015], обеспечению безопасности на железнодорожном транспорте в Сибири [Померлян и др., 2018; Афонасьева, 2016], на Дальнем Востоке [Никонов, 2021a], в годы Русско-японской войны [Санин, 2014] и Первой Мировой войны [Потёмкин, 2019], моральному облику чинов жандармских полицейских управлений железных дорог [Никонов, 2021b]. Однако вопросы организации работы железнодорожных жандармов с политической агентурой не получили в работах историков достаточного освещения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление агентурной работы на железных дорогах

Активная роль, которую сыграли железнодорожники в революционных событиях 1905 года, их стачки, парализовавшие движение по стальным магистралям, заставили правительство привлечь жандармские полицейские управления железных дорог к выполнению функций политической полиции. Приказом по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 года № 14528 на них были возложены обязанности производства дознаний обо всех «преступных действиях» политического характера, «совершенных в полосе отчуждения железных дорог». Кроме того, железнодорожные жандармы обязывались иметь своих негласных осведомителей [Перегудова, 2000, с. 117].

19 августа 1906 года начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог поступило циркулярное распоряжение № 9489 о необходимости приобретения негласных осведомителей среди железнодорожных служащих. Документ, подписанный директором Департамента полиции М. И. Трубевицем, начинался с обоснования решения: «Тревожные события последнего времени, выразившиеся в непрерывном волнении среди различных слоев населения в целом ряде революционных выступлений вызвали необходимость ныне же организовать самую усиленную борьбу против означенных преступных течений, вследствие чего Департамент Полиции, обращая внимание на усиленную революционную пропаганду среди железнодорожных служащих и живущих в полосе отчуждения, признал необходимым привлечь к борьбе с революционным движением и жандармскую железнодорожную полицию». Учитывая особое значение своевременного обнаружения террористических групп и прекращения агитации среди железнодорожных служащих и располагавшихся в черте железных дорог войск, Департамент полиции МВД признал целесообразным для организации

«совершенно секретного агентурного наблюдения» снабжать начальников жандармских полицейских управлений железных дорог денежными средствами на содержание секретных сотрудников. Стремясь достичь того, чтобы ассигнования были направлены на выплаты осведомителям, способным снабжать кураторов ценной информацией, Департамент полиции уведомлял начальство жандармской железнодорожной полиции о том, что деньги будут выделены «в случае действительного приобретения секретных сотрудников и в размерах, соответствующих кругу их деятельности». Для получения ассигнований надлежало предоставить сведения о вербовке агентов с указанием политических организаций, в которые они вхожи, о том, под какими псевдонимами они будут известны и о максимальном месячном вознаграждении, которое потребуется для получения представляющих служебный интерес сведений [ГАРФ, ф. 74, оп. 1, д. 30, л. 1—1 об.].

Необходимо обратить внимание на прагматичный характер рассмотренного выше циркуляра. Департамент полиции не призывал найти среди железнодорожных служащих убежденных монархистов, готовых раскрывать настроения среди членов политических кружков. Акцент был сделан на лицах, готовых за материальное вознаграждение играть двойную роль: иметь доверие в каком-либо политическом сообществе железнодорожных рабочих и служащих, при этом передавая сведения об активности и намерениях такого кружка жандарму. Указанный подход определялся тем, что вовлечение железнодорожников в революционное движение в первую очередь было связано с низкой оплатой и тяжелыми условиями их труда.

3.2. Контроль качества агентурной работы и целесообразности расходов на ее ведение

Ценность и содержательность добывавшихся негласными осведомителями сведений являлась главным критерием эффективности агентурной работы железнодорожных жандармов. Полицейское руководство стремилось не только приобрести источники информации внутри революционного движения, но и, кроме того, лишить жандармов соблазна присваивать себе денежные средства, выделявшиеся на агентурную работу, посредством списания их для выплаты несуществующим или не приносящим реальной пользы агентам.

О секретных сотрудниках, осуществлявших передачу сведений, начальники жандармских железнодорожных отделений докладывали вышестоящему начальнику управления. Отчет направлялся в табличной форме, где указывался псевдоним агента; его месячное содержание; дата вербовки; перечень организаций, в которых он состоял, сведения о том, какое положение он в них занимал; какую должность замещал на железной дороге [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 662, л. 11—12].

Определенную специфику имел вопрос оплаты содействия агентов, которые были перемещены на новое место работы в пределах железной дороги. Причиной перевода осведомителя могло стать решение железнодорожной администрации, если, конечно, жандармская полиция не обращалась к ней с просьбой оставить того или иного сотрудника на старом месте. Однако такое ходатайство могло сделать известным его взаимодействие с железнодорожной полицией. Кроме того, перемещение могло осуществляться в интересах реализации разработки какого-либо кружка, на изучение которого ресурсов местных агентов не хватало. Устройство конфиденента на новое место работы также было допустимо в случае возникновения угрозы его раскрытия. Идти на этот шаг жандарму, осуществлявшему кураторство, нужно было с чрезвычайной аккуратностью, так как резкое перемещение секретного сотрудника при возникновении подозрений у членов политической организации могло еще в большей степени их укрепить. Имели место случаи, когда вовлеченные в противоправительственную агитацию представители железнодорожной администрации компрометировали заподозренных в содействии жандармской полиции рабочих, например, обвинениями в совершении кражи имущества дороги для последующего увольнения [ГАРФ, ф. 75, оп. 4, д. 13, л. 3—3 об.].

Особенность осуществления оплаты перемещенного агента заключалась в том, что сразу по прибытии на новое место он, как правило, не был способен снабжать своего куратора информацией. Требовалось время на установление контактов и внедрение в новое политическое сообщество. Таким образом, жандарм оказывался в двояком положении: отсутствие результата не давало оснований для передачи денег, но отказ от выплат мог привести к тому, что секретный сотрудник прекратит внедрение. Нормативной регламентации решение этого вопроса не получило. Сложившаяся практика заключалась в том, что перемещенный агент в течение 2–3 месяцев продолжал получать установленное жалование, однако если в дальнейшем он также не давал ценных сведений, то оплата переставала быть ежемесячной. Куратор начинал передавать агенту деньги уже по каждому факту доставления представлявшей интерес информации до восстановления работы последнего на системной основе [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 148, л. 90—90 об.].

Эффективность агентурной работы жандармских полицейских управлений железных дорог отслеживалась, а результаты ее обобщались созданными 14 декабря 1906 года по решению председателя Совета министров П. А. Столыпина районными охранными отделениями (РОО), выполнявшими руководящую роль в политическом сыске. Начальникам отделений жандармских полицейских управлений железных дорог надлежало направлять в РОО агентурные сведения в виде справок по каждой органи-

зации отдельно по мере их поступления, не дожидаясь конца месяца, так как такое промедление могло обесценить информацию, уже ставшую устаревшей и непригодной к использованию. В случае отсутствия донесений от секретных сотрудников по окончании отчетного месяца в РОО передавались чистые листы по каждой организации с разъяснением о причинах отсутствия результатов [Там же, л. 161]. После ликвидации в 1914 году системы РОО руководящая роль в политическом сыске на местах была передана губернским жандармским управлениям.

Зачастую невысокое качество агентурной работы оставалось для МВД острой проблемой вплоть до прекращения существования в 1917 году царской России и разрушения ее государственного аппарата.

Подтверждением этого, например, может служить секретный приказ начальника Московско-Архангельского жандармского полицейского управления железных дорог полковника Касаткина от 9 декабря 1908 года. Своим подчиненным полковник Касаткин сообщал, что денежные средства, необходимые для заведения и поощрения агентуры, им были получены. Ранее начальники отделений нередко обосновывали отсутствие результатов в деле приобретения информаторов именно отсутствием ассигнований: «От многих я слышал пожелания — лишь бы деньги были, а сотрудники найдутся. Теперь деньги есть: непрерывный аванс 300 рублей на политические розыски и 1100 рублей в год на уголовные». Также Касаткин акцентировал внимание начальников отделений, что сложности в получении денег на агентов также не должны быть объяснением неэффективного выполнения служебных обязанностей: «При этом поясняю, что в смысле формальностей по расходованию сумм на дела щепетильного свойства не потребуется каких-либо особых документов» [ГАРФ, ф. 74, оп. 1, д. 30, л. 35—35 об.]. После направления распоряжения прошло два месяца, однако ни одного рапорта о приобретении конфиденентов начальник Московско-Архангельского жандармского полицейского управления железных дорог не получил. Свое крайнее недовольство полковник Касаткин выразил в секретном приказе начальникам отделений от 5 февраля 1909 года о заведении агентуры [Там же, л. 41—41 об.].

Инертность жандармской полиции относительно приобретения секретных сотрудников, способных информировать о политических настроениях железнодорожников и намерениях их радикальной части, была характерна не только для отдельно взятого Московско-Архангельского управления. К несчастью руководства МВД, это было системной чертой, присущей всей жандармской железнодорожной полиции. Спустя немногим менее 4 лет после возложения на жандармские железнодорожные подразделения агентурной работы директор Департамента полиции Н. П. Зуев в адресованном начальникам жандармских полицейских управлений железных до-

рог совершенно секретном циркуляре от 15 мая 1910 года за № 125495 указывал последним на глубокую неудовлетворенность товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов П. Г. Курлова результативностью приобретения политической агентуры и работы с ней. За столь длительный срок многими жандармскими начальниками на железных дорогах действенных мер в данном направлении принято не было. Циркуляр указывал на их личную ответственность за результат.

Анализ данного распоряжения Департамента полиции МВД позволяет раскрыть позицию ведомства в отношении организации агентурной работы на железных дорогах. Постановка задачи приобретать конфиденентов повсеместно, вне зависимости от условий участка «чугунки», вверенного тому или иному отделению, могла стать причиной массовой фальсификации отчетности. Она зачастую вела отдельных жандармских чинов на путь провокации, то есть сознательного создания условий для совершения железнодорожными рабочими и служащими преступления и его последующего пресечения для создания видимости реализации полученных агентурным путем сведений. Чтобы предупредить такие последствия, П. Г. Курловым было разрешено отделениям, на участках которых отсутствовали крупные мастерские и большие узловые станции, «иметь хотя и не партийную агентуру, но такую, которая бы освещала всю деятельность местного левого элемента (вспомогательных агентов)». Во всех наиболее серьезных железнодорожных пунктах, где присутствовало значительное число рабочих, приобретение партийных секретных сотрудников или, по крайней мере, лиц, ранее входивших в организации, примыкавших к ним или же имевшим связи с членами партий на почве родственных или личных отношений, декларировалось обязательной мерой: «...только осведомленность из таких источников может предупредить события, подобные бывшим в 1905 году».

Еще одной примечательной особенностью видения Департамента полиции агентурной работы является указание в циркуляре на тщетность надежд отдельных начальников жандармских полицейских управлений железных дорог на получение сведений от благонадежных железнодорожных служащих [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 148, л. 167—167 об.]. Такой подход действительно в значительной степени был ограниченным и к агентурной работе имел самое отдаленное отношение. Во-первых, потому что он не обеспечивал реального внедрения в революционную среду. Благонадежным рабочим или служащим считался вследствие того, что радикальные идеи не поддерживал и в кружках не состоял. Следовательно, доверие к нему со стороны партийных или им сочувствовавших было небольшое. Во-вторых, случайно подслушанные речи не были стойкой основой для рассекречивания революционных замыслов.

3.3. Проверка благонадежности лиц, принимавшихся в негласные осведомители

Признание МВД необходимости ведения агентурной работы в пределах «чугунки» жандармскими полицейскими управлениями железных дорог и выделение ассигнований были важными шагами, однако по своей сути не предупреждающими, а «догоняющими» последствия политической турбулентности. К этой мере правительство подтолкнула стачка железнодорожников 1905 года. Вместе с тем только выделение для цели защиты государственности денежных средств было явно недостаточной мерой для создания надежной агентуры. Перед жандармами была поставлена задача понять железнодорожную среду, выявить именно тех людей, которые действительно были способны принести ценную информацию. Ее выполнение требовало реализации проверочных мероприятий в отношении лиц, к которым был совершен вербовочный подход. Так, начальник Московского жандармского полицейского управления железных дорог указывал подчиненным начальникам отделений на то, что «прежде чем пользоваться услугами секретных сотрудников необходимо убедиться, что: 1) они лица благонадежные; 2) не провокаторы; 3) состоят в организациях; 4) не состоят ли уже сотрудниками у других чинов губернских жандармских управлений или охранных отделений и, кроме того, 5) нельзя зря платить им деньги» [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 461, л. 17].

Показательным примером реализации такого рода мероприятий является судьба агента под псевдонимом «Брут». 28 октября 1910 года помощнику начальника Коломенского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистру Орловскому от начальника Рязанского отделения поступило уведомление о том, что завербованный секретарь Николай Андреев «Брут» должен выехать для прохождения «испытания начальника Московского охранного отделения» [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 35]. Охранке надлежало оценить способности Андреева и его нацеленность на сбор сведений об ячейке эсеров. В совершенно секретном уведомлении о необходимости направления агента для проверки ротмистр Орловский указывал на то, что жандарму, осуществившему вербовку, необходимо разъяснить «Бруту», что по прибытии в Москву его будет встречать мужчина «средних лет, с рыжеватыми усами и бородой небольшого размера, в пальто и барашковой шапке», в руке он будет держать красный платок. Агенту надлежало «молча подойти к этому человеку и затем также молча следовать за ним туда, куда тот пойдет или поедет на трамвае, до квартиры встретившего его человека» [Там же, л. 39–39 об.]. Сама по себе встреча на вокзале и следование до конспиративной квартиры, предназначенной для общения с секретными сотрудниками, являлась

началом испытаний для агента, подобранного железнодорожным жандармом. Уже при знакомстве чин охранного отделения, осуществлявший сопровождение, имел возможность оценить способность завербованного выполнять простые задачи: обнаружить человека с достаточно подробно описанной внешностью и яркой деталью внешнего вида (платок), следовать, не выдавая себя праздными беседами относительно грядущего испытания.

Оценка вновь завербованных лиц, перед которыми ставилась задача негласного сбора информации среди железнодорожников, представляла собой сложный по содержанию процесс. Невозможно было оценить их навыки и устремленность к получению материального вознаграждения, которое предлагала полиция, опытным путем. Будущего филера — сотрудника, осуществлявшего наружное наблюдение, следовало проверить в деле. Возможность окончательно убедиться в преданности и чистоте намерений человека, выразившего согласие играть роль осведомителя, отсутствовала. Однако наблюдение за его аккуратностью в мелочах: в ходе приезда, установления контакта с встречавшим сотрудником, корректностью в ходе беседы — являлось определяющим для оценки пригодности для агентурной работы обстоятельством.

В Москве «Брута»-Андреева никто не встретил: его куратор отправил секретное сообщение в адрес Коломенского отделения непосредственно в день отъезда, 24 ноября 1910 года. В этот же день последний успел передать в Московское охранное отделение информацию о его убийти, однако «за поздним ее получением и расшифрованием» поезд № 5, на котором «Брут» должен был следовать, встречен не был. О достижении конечной точки маршрута кого бы то ни было он не уведомил, о чем ротмистр Орловский сообщил в Рязань [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 33—33 об.]. 26 ноября начальник Рязанского отделения секретным отношением подтвердил выезд «Брута» в Москву, однако о месте нахождения агента привлекшему его к сотрудничеству жандарму было неизвестно [Там же, л. 32]. К начальнику Рязанского отделения «Брут» вернулся только через три дня. Свое долгое отсутствие он объяснил тем, что по пути в Москву он «встретил в Горках деятеля революции и решил добыть от него сведения». Ситуация и рассказ агента, очевидно, вызвали сомнения у куратора, так как ни подробностей о встрече с революционером, ни отчета о ходе трехдневной разработки и ее результатах конкретных сведений передано не было [Там же, л. 31]. Агенту повторно были выданы денежные средства для оплаты билета в Москву, куда он проследовал на поезде.

Как и следовало ожидать, Николай Андреев испытание Московского охранного отделения не прошел. Ротмистр Орловский направил о нем начальнику Рязанского Отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог крайне негативный отзыв. Андреев был признан

«совершенно непригодным для продолжения работы по секретному сотрудничеству и до известной степени даже опасным, так как он, не имея каких-либо действительных связей с партией социалистов-революционеров, может в лучшем случае лишь передавать слухи, не имеющие никакой розыскной ценности» [Там же, л. 30—30 об.]. Таким образом, склонность «Брута» к преувеличению своей осведомленности о настроениях в партийной среде, а также представлению слухов и фантазий в качестве агентурной информации была раскрыта в самом начале его работы с железнодорожной жандармерией.

3.4. Выявление провокаторов и шантажистов среди негласных осведомителей

Работа с политической агентурой железнодорожных жандармов по своей сути представляла собой комплекс актов взаимодействия между куратором и осведомителем. Ее сложность определялась как моральным состоянием агентов, многие из которых, играя двойную роль, начинали испытывать угрызения совести и ненависть к куратору, так и противодействием со стороны революционных кругов. Их борьба с полицейским внедрением проявлялась в уже упомянутом создании неблагоприятных условий для работы лиц, заподозренных в содействии жандармам, и даже в физическом устранении агентов. Целью революционеров были не только завербованные рабочие и служащие, но и осуществлявшие политический сыск офицеры. Под личиной склонившегося к содействию партийного активиста рядом с жандармом мог находиться дезинформирующий его провокатор или убийца, выжидавший момента для устранения своего куратора.

Меры предосторожности при взаимодействии с конфиденнтами, проверки правдивости представлявшихся ими сведений были неотъемлемой составляющей агентурной работы не только на этапе установления отношений с новым секретным сотрудником, но и в течение всего периода общения с ним. На неукоснительность их соблюдения Департамент полиции указывал всем вовлеченным в политический сыск. 18 декабря 1909 года начальникам губернских и железнодорожных жандармских управлений, охранных отделений и пограничных пунктов с пометкой «Лично. Совершенно доверительно» был направлен циркуляр № 140049. Документ сообщал адресатам о гибели начальника Санкт-Петербургского охранного отделения С. Г. Карпова. Находившийся в его разработке агент, заручившись доверием, потребовал нанять для встреч с ним отдельную конспиративную квартиру. Такая уступка позволила агенту заложить в квартире взрывное устройство и привести его в действие, вследствие чего С. Г. Карпов погиб [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 148, л. 139].

Для предупреждения сближения железнодорожных жандармов с революционерами, преследовавшими цель ликвидации занимавшихся ведением агентурной работы чинов, осуществлялась рассылка сведений о лицах,

имевших такого рода преступные намерения. Так, например, 4 декабря 1911 года начальник Московского жандармского полицейского управления железных дорог Фрейберг уведомил подчиненных начальников отделений о том, что по полученным агентурным сведениям проживавший в городе Санкт-Петербурге и состоявший членом Обуховского подрайона местной организации партии социалистов-революционеров Шлиссельбургский мещанин Илья Абрамов Юделевич имел намерение предложить одному из начальников розыскных органов свои услуги в качестве секретного сотрудника с целью «совершить на лицо, с которым он войдет по этому поводу в личные сношения, покушение посредством револьвера или отравленного кинжала, а затем покончит жизнь самоубийством». Фотографическая карточка Юделевича была приложена к циркуляру [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 739, л. 101].

Отследить, что еще вчера аккуратно исполнявший принятые обязательства агент на следующий день, следуя порыву совести или будучи раскрытым товарищами по партийной организации, не вознамерится содействовать делу революции, было чрезвычайно затруднительно. Наиболее психически устойчивые конфидененты могли выполнять роль двойного агента и долгое время оставаться не раскрытыми своим куратором, вводя его в заблуждение. Так, например, в ноябре 1910 года начальники отделений Московского жандармского полицейского управления железных дорог получили уведомление, что к ним под предлогом оказания содействия в сборе сведений может обратиться портниха из крестьян Нижегородской губернии Анна Николаева Максимова, которая ранее под псевдонимом «Петрова» сотрудничала с Асхабадским розыскным пунктом, но после возникновения подозрений в том, что она завербовалась с целью освещения деятельности розыскного пункта в интересах партии социалистов-революционеров, была уволена [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 1—1 об.].

Недоверие к агентуре вынудило особый отдел Департамента полиции (ведаль политическим сыском) принять в 1913 году решение о том, что при следовании монарха и представителей императорской фамилии железнодорожным транспортом ни действующие, ни бывшие секретные сотрудники не должны были допускаться в полосу железнодорожного отчуждения [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 461, л. 164—164 об.].

Кроме заботы о собственной безопасности, железнодорожный жандарм при взаимодействии с секретным сотрудником постоянно должен был концентрироваться на качестве и законности агентурных сведений. Не редки были прецеденты, когда агент, не имея возможности добыть действительно ценную информацию, стремился продемонстрировать свою значимость и сохранить материальное обеспечение посредством предоставления надуманных сведений [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 710, л. 8—8 об.].

Негативные черты упомянутого выше «Брута» проявились практически сразу, однако очевидно, что отдельные агенты уже в процессе сотрудничества приходили к тому, что из своей приближенности к жандарму можно извлекать больше материальной выгоды, провоцируя преступления и донося о них, а также вымогая деньги шантажом у боявшихся по каким-то причинам полиции рабочих и служащих железной дороги. Привлекать уже скомпрометировавших себя агентов запрещалось, сведения о них распространялись среди начальников жандармских железнодорожных отделений [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 739, л. 6]. Для объективного понимания агентурной работы необходимо отметить, что в случае значительной ценности осведомителя, его глубокого внедрения в радикально настроенные круги исполнение запрета могло быть принесено в жертву в пользу результата. Работа с таким информированным агентом, склонным искать дополнительную выгоду из своего положения, требовала особой аккуратности.

4. Заключение = Conclusions

Вменение в 1906 году в обязанность железнодорожной жандармерии ведения агентурной работы для получения сведений о политических настроениях рабочих и служащих, их вовлеченности в антиправительственные движения и в целях пресечения преступных акций радикалов являлось в значительной степени запоздалой мерой правительства. Монархия недооценила распространение революционных идей среди железнодорожников, что стало причиной масштабной стачки 1905 года.

Характерной особенностью ведения агентурной работы в пределах железных дорог являлось использование денежных вознаграждений в качестве основного средства склонения потенциального осведомителя к сотрудничеству.

Началу работы в интересах жандармской полиции предшествовала проверка благонадежности завербованных и их способности приносить ценные сведения. Такая проверка осуществлялась чинами ведавших политическим сыском охранных отделений.

Постановка агентурной работы в политической среде в пределах железных дорог осуществлялась многими жандармами достаточно инертно, о чем свидетельствует служебная переписка на уровне отдельных железнодорожных жандармских управлений и Департамента полиции МВД.

Важным аспектом организации работы с политической агентурой чинами жандармской железнодорожной полиции Российской империи в начале XX века являлось выявление среди осведомителей провокаторов, действовавших в интересах политических организаций, в которые осуществлялось внедрение.

Необходимо отметить, что агентурная работа была достаточно сложным направлением служебной деятельности железнодорожных жандармов, требовавшим от них высокого интеллекта, а также способности навязывать завербованным свою волю. Однако эта часть полицейской деятельности с точки зрения моральной оценки неоднозначно воспринималась не только обществом в целом, но и многими чинами Корпуса жандармов.

Вменение в обязанность жандармской железнодорожной полиции ведения агентурной работы обосновывалось целями сохранения стабильности в государстве. Однако нехватка кадров, способных эффективно работать с осведомителями, инертность при приобретении агентуры и масштаб социально-политического кризиса не позволили остановить революционное движение.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Высочайше* утвержденный всеподданейший доклад главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями о сокращении штата полицейского управления Николаевской железной дороги от 12 января 1856 года // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание II. — Т. 31. — Ч. 1. — № 30046. — С. 24—25.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 59. Оп. 1. Д. 148, 461, 662, 710, 739; Ф. 74. Оп. 1. Д. 30; Ф. 75. Оп. 4. Д. 13.
3. *Именной*, объявленный в приказе военного министра указ об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог от 31 декабря 1866 года // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание II. — Т. 41. — Ч. 2. — № 44071. — С. 532.

Литература

1. *Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком / О. Ю. Абакумов. — Москва : Центрполиграф, 2017. — 319 с. — ISBN 978-5-227-07747-9.
2. *Афонасьева О. В.* Деятельность Ишимского отделения Омского жандармского полицейского управления железных дорог в 1914—1917 гг. (по документам Тюменского государственного архива) / О. В. Афонасьева // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2016. — Т. 8. — № 6-1. — С. 47—50.
3. *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры : воспоминания / П. П. Заварзин. — Париж : [Издание автора], 1930. — 255 с.
4. *Заварзин П. П.* Работа тайной полиции / П. П. Заварзин. — Париж : Франко-русская печать, 1924. — 174 с.
5. *Курлов П. Г.* Конец русского царизма : воспоминания бывшего командира корпуса жандармов / П. Г. Курлов. — Москва : Государственное издательство, 1923. — 296 с.

6. *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов : воспоминания / А. П. Мартынов. — Стэнфорд : Hoover Institution Press, Stanford University, 1972. — 351 с.
7. *Никонов К. О.* К вопросу о становлении жандармских полицейских управлений железных дорог на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) / К. О. Никонов // Современная научная мысль. — 2021а. — № 3. — С. 26—32.
8. *Никонов К. О.* Моральный облик чинов жандармских полицейских управлений железных дорог Дальнего Востока Российской империи на рубеже XIX — XX вв. / К. О. Никонов // Общество : философия, история, культура. — 2021б. — № 3(83). — С. 70—73.
9. *Павлов П.* Агенты, жандармы, палачи / П. Павлов. — Петроград : Былое, 1922. — 77 с.
10. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880—1917) / З. И. Перегудова. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 430 с.
11. *Померлян А. Н.* Руководство жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (1893—1917) / А. Н. Померлян, В. Е. Санин // Алтайский юридический вестник. — 2018. — № 2 (22). — С. 27—32.
12. *Потёмкин И. А.* Основные направления деятельности и взаимодействия жандармских полицейских управлений железных дорог в годы Первой Мировой войны / И. А. Потёмкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2019. — № 4(52). — С. 103—112.
13. *Рыжова Ю. В.* Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи / Ю. В. Рыжова. — Москва : Проспект, 2020. — 136 с. — ISBN 978-5-392-30954-2.
14. *Санин В. Е.* Деятельность жандармского полицейского управления Сибирской железной дорогам по обеспечению безопасности перевозок на магистралях региона в годы Русско-японской войны (1904—1905 гг.) / В. Е. Санин // В мире научных открытий. — 2014. — № 11-8(59). — С. 3228—3241.
15. *Спиридович А. И.* Записки жандарма / А. И. Спиридович. — Москва : АСТ, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5-17-154786-8.
16. *Фирсов И. Ф.* Организация охраны железных дорог в Российской империи / И. Ф. Фирсов // История в подробностях. — 2015. — № 8(62). — С. 20—23.
17. *Эренфельд Б. К.* Тяжелый фронт: из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией / Б. К. Эренфельд. — Москва : Политиздат, 1983. — 142 с.

*Статья поступила в редакцию 17.07.2023,
одобрена после рецензирования 17.09.2023,
подготовлена к публикации 27.09.2023.*

Material resources

GARF — *State Archives of the Russian Federation.* (In Russ.).

Personal decree on the duties and subordination of gendarmery police departments of railways dated December 31, 1866, announced in the order of the Minister of War. In: *Complete collection of laws of the Russian Empire: II, 41(2).* No 44071: p. 532.

The most highly approved report of the chief manager of communications and public buildings on the reduction of the staff of the police department of the Nikolaev railway dated January 12, 1856 In: *Complete collection of laws of the Russian Empire: II, 31(1).* No 30046: 24-25.

References

- Abakumov, O. Yu. (2017). *The third department is guarding morality and decency. Gendarmes in the fight against bribes and vice*. Moscow: Tsentrpoligraf. 319 p. ISBN: 978-5-227-07747-9. (In Russ.).
- Afonasyeva, O. V. (2016). Activities of the Ishim branch of the Omsk Gendarmerie Police Department of Railways in 1914-1917 (according to documents of the Tyumen State Archive). *Historical and social-educational thought*, 8(6-1): 47-50. (In Russ.).
- Ehrenfeld, B. K. (1983). *Heavy front: from the history of the struggle of the Bolsheviks with the Tsarist secret police*. Moscow: Politizdat. 142 p. (In Russ.).
- Firsov, I. F. (2015). Organization of railway protection in the Russian Empire. *History in detail*, 8(62): 20-23. (In Russ.).
- Kurlov, P. G. (1923). *The end of Russian tsarism. Memoirs of the former commander of the gendarme corps*. Moscow: State Publishing House. 296 p. (In Russ.).
- Martynov, A. P. (1972). *My service in the Separate Corps of Gendarmes. Memories*. Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University. 351 p. (In Russ.).
- Nikonov, K. O. (2021a). On the issue of the formation of gendarme police departments of railways in the Far East of Russia (late XIX – early XX centuries). *Modern scientific thought*, 3: 26-32. (In Russ.).
- Nikonov, K. O. (2021b). The moral character of the gendarmerie police departments of the railways of the Far East of the Russian Empire at the turn of the 19th-20th centuries. *Society: philosophy, history, culture*, 3(83): 70-73. (In Russ.).
- Pavlov, P. (1922). *Agents, gendarmes, executioners*. Petrograd: Bygone. 77 p. (In Russ.).
- Peregudova, Z. I. (2000). *Political investigation of Russia (1880-1917)*. Moscow: ROSSPEN. 430 p. (In Russ.).
- Pomerlyan, A. N., Sanin, V. E. (2018). Management of the gendarme police department of the Siberian Railway (1893-1917). *Altai Legal Bulletin*, 2(22): 27-32. (In Russ.).
- Potemkin, I. A. (2019). Main directions of activity and interaction of gendarme police departments of railways during the First World War. *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 4(52): 103—112. (In Russ.).
- Ryzhova, Yu. V. (2020). *Gendarmerie police departments of railways in the transport security system of the Russian Empire*. Moscow: Prospekt. 136 p. ISBN 978-5-392-30954-2. (In Russ.).
- Sanin, V. E. (2014). Activities of the gendarme police department of the Siberian Railways to ensure the safety of transportation on the region's highways during the Russo-Japanese War (1904-1905). *In the world of scientific discoveries*, 11-8(59): 3228—3241. (In Russ.).
- Spiridovich, A. I. (2023). *Notes of a gendarme*. Moscow: AST. 320 p. ISBN 978-5-17-154786-8. (In Russ.).
- Zavarzin, P. P. (1924). *The work of the secret police*. Paris: Franco-Russian press. 174 p. (In Russ.).
- Zavarzin, P. P. (1930). *Gendarmes and revolutionaries: memories*. Paris: [Author's edition]. 255 p. (In Russ.).

*The article was submitted 17.07.2023;
approved after reviewing 17.09.2023;
accepted for publication 27.09.2023.*